

Шабанов Виктор Леннарович**Shabanov Viktor Lennarovich**

доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института аграрных проблем РАН

D.Phil. in Social Science, Leading Research Fellow,
Institute of Agrarian Problems of
the Russian Academy of Sciences

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ
БЕДНОСТИ В РОССИИ
(В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ
МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
РОССТАТА В 2013–2017 ГГ.)**

**THE DYNAMICS OF THE SOCIAL
AND DEMOGRAPHIC PROFILE OF
POVERTY IN RUSSIA
(IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENTS
IN ROSSTAT METHODOLOGICAL
APPROACHES IN 2013-2017)**

Аннотация:

В статье проанализированы основные изменения в методике исчисления бедности, осуществленные Росстатом в 2013–2017 гг., и их влияние на характеристики бедности. Показана неоднозначность замены показателя располагаемых ресурсов показателем денежных доходов, явившейся формальной причиной резкого повышения сельской бедности в 2013 г. Обозначены проблемы, возникающие при использовании концепции абсолютной бедности: необходимость постоянного мониторинга и корректировки состава потребительской корзины, несравнимость данных по уровню и структуре бедности за разные годы. Отмечено, что неравномерная динамика цен на различные блага и изменение соотношений между фактическими расходами беднейших домохозяйств на продовольствие, продовольственные товары и услуги могут приводить к некорректным оценкам уровня бедности. Показано, что повышение пенсионного возраста усилит негативные тенденции в профиле бедности, наметившиеся в 2016 г. и состоящие в повышении уязвимости перед бедностью трудоспособного и работающего населения.

Ключевые слова:

бедность, домохозяйство, потребительская корзина, прожиточный минимум, профиль бедности, структура расходов, методика исчисления бедности Росстатом, уязвимость перед бедностью.

Summary:

The study analyzes the main changes in poverty measuring techniques used by the Federal State Statistics Service (Rosstat) in 2013-2017 and their impact on the poverty characteristics. The research demonstrates the ambiguous substitution of disposable resources for cash income that has become the formal reason for the sharp increase in rural poverty in 2013. The author identifies that the concept of absolute poverty requires the ongoing monitoring of a basket of goods and adjustments to it and fails to compare the level and structure of poverty over the years. Uneven price movements in relation to various benefits and changing ratios of actual expenditures on food to non-food items and services of extremely poor households can lead to inaccurate poverty measurements. An increase in the retirement age will intensify the negative trends in the poverty profile emerged in 2016 and characterized by the extreme vulnerability of the able-bodied and working population to poverty.

Keywords:

poverty, household, basket of goods, cost of living, poverty profile, cost structure, Rosstat poverty measuring technique, vulnerability to poverty.

Бедность – социально-экономическое явление, многомерность и сложность которого отражается в сосуществовании трех различных, признанных исследователями, концептуальных подходов к ее пониманию: абсолютного, относительного и субъективного. Абсолютная бедность определяется сравнением уровня доходов домохозяйства или индивида с определенным порогом – с монетарной оценкой некоторого минимального (для данного общества в данное время) объема благ, устанавливаемого нормативным или нормативно-статистическим способом [1]. В концепции относительной бедности этот порог устанавливается в размере некоторой доли от средних доходов по стране. Субъективная бедность – немонетарный показатель, характеризующий собственные представления индивидов о достаточности своего дохода [2]. Социологическая интерпретация бедности часто проводится через депривацию – оценку лишений, характеризующихся ограниченным доступом к различным видам благ [3].

Концептуальные различия в подходах к пониманию бедности связаны с дихотомией объективного/субъективного, монетарного/немонетарного. В относительной концепции заложена принципиальная непреодолимость бедности, в то время как абсолютная концепция теоретически допускает такую возможность. Концепция субъективной бедности дает более достоверные оценки уровня социальной напряженности, чем концепции, построенные на объективных данных.

Концептуальный подход, принимаемый государственным статистическим ведомством, говорит о том, что именно государство понимает под бедностью и какие способы ее измерения

считает наиболее адекватными. Наиболее развитые государства отдают предпочтение относительному подходу [4].

Современные исследования российских ученых затрагивают все аспекты бедности [5]. Отметим работы, посвященные анализу социально-демографического профиля бедности [6]. Авторы анализируют уязвимость различных групп населения по отношению к бедности – работающих [7], семей с детьми [8], сельского населения [9]. В исследованиях бедности авторы редко фиксируют проблему сопоставимости данных за разные годы, вызванную изменениями методики расчетов, предпочитая ограничивать временной период анализа.

Цель статьи – оценить различия в социально-демографическом профиле бедности, обусловленные изменением методики ее исчисления Росстатом в 2013–2017 гг., и выявить наиболее уязвимые перед бедностью группы населения.

В российском статистическом ведомстве принята концепция абсолютной бедности, в которой порог – черта, разделяющая бедные и небедные домохозяйства (или индивиды), – равен величине прожиточного минимума (ПМ), определяемого как стоимость потребительской корзины. Состав потребительской корзины обычно не меняется в течение долгого времени, и изменение величины ПМ за это время целиком определяется изменением цен на товары и услуги из потребительской корзины. В период 2005–2012 гг. состав потребительской корзины определялся Федеральным законом «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» (№ 44-ФЗ от 31 марта 2006 г.) и оставался неизменным, давая возможность корректно анализировать динамику уровня жизни и бедности. Согласно этому закону, в составе потребительской корзины выделялись 42 вида продуктов питания и обязательные платежи, а также номенклатура непродовольственных товаров и услуг. Минимально достаточные объемы этих благ определялись отдельно для каждого региона страны в разрезе трех социально-демографических групп: трудоспособного населения, детей и пенсионеров.

С января 2013 г. начал действовать новый Федеральный закон «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» (№ 227-ФЗ от 3 декабря 2012 г.), который качественно изменил подход к пониманию ПМ, перейдя от нормативного к нормативно-статистическому способу его исчисления. В составе потребительской корзины стали учитываться только продукты питания, но при этом было установлено, что они составляют 50 % ее стоимости. Остальные 50 % распределялись поровну между непродовольственными товарами и услугами. Таким образом, если раньше потребительская корзина определялась через полный список продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, признанных минимально необходимыми, то с 2013 г. – фактически через соотношения между их стоимостями. Прожиточный минимум или уровень бедности в настоящее время характеризуется близкой к 50 % долей продовольственных расходов в общих расходах на потребление (включающих обязательные платежи и сборы) и соотношением 2 к 1 между продовольственными расходами и расходами на непродовольственные товары или услуги. Завышенный удельный вес продовольственных расходов действительно характерен для малообеспеченных категорий населения: при любом уровне доходов первоочередные расходы всегда связаны с покупкой продуктов питания, которые составляют тем больший удельный вес в структуре общих расходов, чем беднее домохозяйства и индивиды. Порог в 50 % был установлен Росстатом в 2013 г. исходя из фактически сложившегося положения в наименее обеспеченных группах в то время. Так, в 2013 г. в структуре расходов на конечное потребление 20 % домохозяйств с наименьшим уровнем благосостояния доля расходов на питание достигала 45–48 %, доли расходов на непродовольственные товары и услуги различались несущественно и составляли 23–28 %. Т. е. соотношения, принятые в новых правилах формирования потребительской корзины и исчисления ПМ, действительно соответствовали структуре расходов беднейших слоев населения [10, с. 160].

Одновременно с изменением методики исчисления прожиточного минимума был скорректирован и состав потребительской корзины: виды продуктов питания остались теми же, но изменился их вес – уменьшилось количество дешевых продуктов (хлеба, картофеля) и выросло количество дорогих (мяса, овощей, фруктов, молока), отражая произошедшие структурные изменения в потреблении. Без такой корректировки величина ПМ, рассчитанная по новой методике в 2013 г., оказалась бы на 20 % ниже, чем величина ПМ за 2012 г. Изменение весовой структуры продовольствия в составе потребительской корзины привело к росту величины ПМ на 12 %, что было более ожидаемо [11]. Таким образом, с 2013 г. стоимость потребительской корзины целиком определяется ценами на продукты питания. В период 2013–2015 гг. они в целом росли быстрее, чем цены на непродовольственные товары и услуги, что привело к скачку стоимости потребительской корзины и величины ПМ, который составлял 10,2–20,5 % в 2013–2015 гг. (против 2,2 % в 2012 г.). Темп роста номинальных зарплат и пенсий в этот период, напротив, снизился, и обе эти противонаправленные тенденции определили общее снижение уровня жизни и рост бедности.

В 2016–2017 гг. темп роста цен на продовольствие стал ниже, чем на непродовольственные товары и услуги, и величина ПМ увеличилась не так сильно – на 1,3–2,6 %. Как результат – численность малоимущих и их удельный вес в общей численности населения несколько снизились: с 19,5

до 19,3 млн чел., или с 13,3 до 13,2 % [12]. Однако это снижение бедности происходит на фоне продолжающегося с 2014 г. сокращения реальных доходов населения, что вызывает сомнения в адекватности нынешней, упрощенной, методики расчета стоимости потребительской корзины, основанной на одних только продовольственных ценах. В то же время упрощение методики было необходимо, так как учет большого числа позиций в составе продовольственной корзины усложнял обоснование ее состава, усиливал погрешность, требовал постоянной корректировки состава.

С другой стороны, сам по себе уровень бедности, рассчитываемый на основе каких-либо заданных принципов, малоинформативен – гораздо важнее его временная динамика, требующая неизменности этих принципов в течение длительного времени. Частое изменение методики исчисления бедности, мотивированное необходимостью следовать новым подходам и правильнее отражать меняющиеся условия жизни, ведет к несопоставимости данных за разные годы. В связи с этим представляется актуальным принятие концепции относительной бедности, которая зависит только от выбранного показателя дохода и не требует постоянного мониторинга состава потребительской корзины.

До 2017 г. для определения уровня бедности Росстат использовал показатель денежных доходов, а для определения «малообеспеченного населения» – показатель располагаемых ресурсов, включающих наряду с денежными доходами оцененные в стоимостной форме натуральные поступления. Тем самым «бедность» и «малообеспеченность» трактовались по-разному, что было неоправданным. В 2017 г. изменился критерий отнесения к малоимущим: вместо располагаемых ресурсов с величиной ПМ стал сопоставляться показатель денежных доходов. Новая методика была применена к предшествующему периоду 2013–2016 гг. Опубликованные данные позволили сравнить результаты, полученные после применения обеих методик (табл. 1).

Таблица 1 содержит социально-демографический профиль малообеспеченного населения России, построенный с использованием индекса риска бедности, который был введен Росстатом в качестве характеристики уязвимости конкретных групп населения перед попаданием в категорию бедных. Он определяется как отношение удельного веса численности группы в малообеспеченном населении к ее численности во всем населении. Повышенная уязвимость характеризуется индексом риска бедности, большим порогового значения 1: чем больше индекс, тем выше риск. Например, если в 2016 г. доля сельских жителей среди малообеспеченных составляла 53,1 %, а среди всего населения – 25,7 %, то индекс риска бедности для них оказывался равным 2,07, что характеризуется повышенной уязвимостью селян перед бедностью.

Таблица 1 – Динамика индекса риска бедности по различным социально-демографическим группам населения России в 2013–2016 гг. [13]

Группа населения	2013	2013	2014	2015	2016
	(по старой методике)	2013	2014	2015	2016
1	2	3	4	5	6
Проживающие в городах	0,79	0,55	0,54	0,60	0,63
Проживающие в сельских поселениях	1,59	2,30	2,32	2,37	2,07
Дети в возрасте до 16 лет	1,48	1,80	1,81	1,79	2,06
Население в трудоспособном возрасте	0,99	0,95	0,95	0,93	0,96
Население старше трудоспособного возраста	0,55	0,35	0,32	0,37	0,30
Занятые в экономике (работающие)	0,88	0,45	0,45	0,48	0,58

Несмотря на то что денежные доходы составляют около 90 % располагаемых ресурсов, их использование при расчетах социально-демографической структуры малообеспеченного населения привело к существенным изменениям (см. стб. 2 и 3 табл. 1), связанным прежде всего с резким сдвигом бедности от городского населения к сельскому. Фактически это означает, что неучет в составе показателя, сравниваемого с величиной ПМ, натуральных поступлений ведет к резкому увеличению численности бедных в сельской местности – хотя это увеличение является чисто статистическим фактом, основанным на изменении методики расчета, и не связано с каким-то резким обеднением именно сельского населения.

Резкий скачок показателя сельской бедности, не учитывающего натуральные поступления, подчеркивает их важность для благосостояния сельского населения. Данные таблицы 1 (стб. 2 и 3) свидетельствуют о том, что благосостояние большого числа сельских домохозяйств незначительно превышало уровень бедности – на величину, меньшую, чем оцененные натуральные поступления. Несмотря на небольшой удельный вес в структуре располагаемых ресурсов, натуральные поступления остаются значимым фактором преодоления сельской бедности. Часть потребительской корзины сельское домохозяйство может обеспечивать за счет собственного приусадебного хозяйства, сэкономив денежные средства на покупку непродовольственных товаров и услуг [14]. Тем самым сельское домохозяйство благодаря натуральным поступлениям может

перераспределять свои ресурсы, создавая условия для приобретения всего состава потребительской корзины и обеспечивая поддержание благосостояния на уровне, превышающем черту бедности. Таким образом, решение Росстата отказаться от использования показателя располагаемых ресурсов в пользу денежного дохода представляется неоднозначным.

Наряду с изменением методики на характеристики бедности могли повлиять также изменения, касающиеся источника данных и принципов расчета отдельных социально-демографических групп. С 2012 г. вторым (а с 2017 г. – основным) источником данных по бедности наряду с бюджетным обследованием домохозяйств становится «выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах» [15, с. 156]. В 2017 г. Росстат заметно меняет правила проведения обследований рабочей силы [16].

В связи с этим нельзя объяснить резкие перемены в профиле бедности в 2013 г. изменившимися характеристиками самой бедности: скорее всего, речь идет об определяющем влиянии на профиль бедности изменившихся источников и методов сбора информации. Тем не менее отметим два важных момента, о которых свидетельствует статистика 2013 г., собранная по прежним и по новым правилам: 1) повысился и без того высокий риск бедности для детей и понизился для пенсионеров; 2) понизился риск бедности для работающего населения. В последующие годы, когда для расчетов характеристик бедности использовалась одинаковая методика, тенденция повышения риска бедности для детей и понижения для пенсионеров продолжила усиливаться, а тенденция понижения риска бедности для работающих вновь «развернулась».

Таким образом, любая методика показывает повышенную уязвимость перед бедностью сельского населения и детей. Пониженную уязвимость городского населения можно объяснить статистически – «город» и «село» при расчетах индекса риска бедности выступают как «сообщающиеся сосуды», однако разница в индексах очень велика, и это отражает сложные институциональные проблемы села. Они определяются узостью сельского рынка труда, в котором остается высоким удельный вес сельскохозяйственной занятости с ее сезонностью и низким уровнем зарплат; более высокой безработицей и повышенной занятостью в неформальном секторе; преобладанием неквалифицированных видов занятости и др. [17, с. 59–70].

Повышенный индекс риска бедности для детей таким же образом связан с его пониженным индексом для двух других демографических групп населения – пенсионеров и трудоспособных. Меньший риск бедности для пенсионеров по сравнению с трудоспособным населением и детьми отражает ситуацию, при которой сравнительно небольшой, но гарантированный денежный доход в форме пенсии оказывается более значимым фактором преодоления бедности, чем заработная плата. Население в трудоспособном возрасте балансирует на грани попадания в группу риска: его индекс, рассчитанный и по прежней, и по новой методике, близок к 1. Причины такого неустойчивого положения трудоспособных следует искать прежде всего в сфере неполной занятости и низких зарплат [18]. Несмотря на то что новая методика в 2013 г. «оттолкнула» от черты бедности работающее население, последующая динамика индекса риска бедности для него была негативной, особенно в 2016 г. Проблема «работающих бедных», отмеченная российскими исследователями в 1990-е гг. [19], остается актуальной и сейчас.

Увеличение пенсионного возраста, при котором выплата пенсий откладывается на 5 лет, означает усиление негативной динамики индекса риска бедности для трудоспособного населения. Весьма вероятным представляется его рост до значений, превышающих 1. Статистика занятости показывает, что количество работающих женщин 55–59 лет и мужчин 60–64 лет в 2017 г. было почти на 2 млн меньше, чем в предыдущих пятилетних возрастных группах [20]. Через 5 лет такое количество людей, прежде уходивших с рынка труда, должны будут продолжать работать или сразу же пополнят категорию бедных, оставшись без пенсии.

Таким образом, основной недостаток применения концепции абсолютной бедности связан с необходимостью частой корректировки ее методики, что приводит к несопоставимости данных за разные годы. Приведение Росстатом сопоставимых данных за 2013–2016 гг. позволило установить ряд закономерностей в профиле бедности в РФ, которые проявляются независимо от применяемой методики. Это повышенная уязвимость перед бедностью сельского населения и детей, высокий риск попадания в категорию бедных трудоспособного населения, неблагоприятная тенденция роста бедности в среде работающих.

Ссылки и примечания:

1. Овчарова Л.Н. Предложения для стратегии содействия сокращению бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 10–11. С. 78–89.
2. Фролова Е.Б., Великанова Т.Б. Методика измерения относительной бедности // Там же. С. 89–98.
3. Гришина Е.Е. Депривационный подход к оценке бедности семей с детьми в России и странах Европы // Финансовый журнал. 2017. № 4. С. 47–55; Пасовец Ю.М. Риски бедности населения в современных российских условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 143–160.

- <https://doi.org/10.15838/esc/2015.2.38.9> ; Townsend P. The Meaning of Poverty // *The British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61, iss. s1. P. 85–102. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2009.01241.x>.
4. Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Бедность в России на фоне других стран // *Мир России*. 2014. № 4. С. 59–95.
 5. См., например: Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2014. 302 с.; Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и как социальная проблема : монография. Новосибирск, 2000. 510 с.
 6. Бедность и социальная исключенность глазами различных групп населения / Л.М. Прокофьева, И.И. Корчагина, Р.И. Попова, О.С. Белокрылова, Ю.В. Филоненко, Е.В. Фурса // *Народонаселение*. 2014. № 4. С. 61–82; Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр // *Социологические исследования*. 2004. № 12. С. 17–30; Овчарова Л.Н. Указ. соч.
 7. Радаев В.В. Работающие бедные: велик ли запас прочности? // *Экономическая социология*. 2000. Т. 1, № 1. С. 25–36.
 8. Гришина Е.Е. Указ. соч.
 9. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления : коллективная монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. Барнаул, 2014. 330 с.
 10. Российский статистический ежегодник : стат. сборник / Росстат. М., 2014.
 11. Социально-экономические индикаторы бедности : стат. бюллетень / Росстат. М., 2012, 2013.
 12. Российский статистический ежегодник. М., 2016. С. 137; Российский статистический ежегодник. М., 2018. С. 142.
 13. Таблица 1 составлена по: Российский статистический ежегодник. М., 2014. С. 156; Российский статистический ежегодник. М., 2015. С. 165; Российский статистический ежегодник. М., 2016. С. 163; Российский статистический ежегодник. М., 2018. С. 157.
 14. Халитова Л.П. Оценка влияния потребления продуктов питания на покупательную способность населения (на примере Республики Башкортостан) // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 2. С. 25–30. <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.2.4>.
 15. Российский статистический ежегодник. М., 2018. С. 156.
 16. Обследование рабочей силы [Электронный ресурс] : стат. бюллетень / Росстат. М., 2006–2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 15.01.2019).
 17. Шабанов В.Л. Уровень жизни сельского населения России в условиях социально-экономической трансформации села: методология исследования и анализ динамики : монография. Саратов, 2016. 256 с.
 18. Мигранова Л.А. Заработная плата в России и мире: сравнительный анализ // *Народонаселение*. 2018. Т. 21, № 3. С. 52–67.
 19. Радаев В.В. Указ. соч.
 20. Обследование рабочей силы. М., 2017. Табл. 2.1–2.9.

References:

- Anikin, VA & Tikhonova, NE 2014, 'Poverty in Russia Compared to Other Countries', *Mir Rossii*, no. 4, pp. 59-95, (in Russian).
 Bogomolova, TYu & Tapilina, VS 2004, 'Poverty Migration: Scale, Reproduction, Social Spectrum', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 12, pp. 17-30, (in Russian).
 Frolova, EB & Velikanova, TB 2012, 'Methods of Measuring Relative Poverty', *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 10-11, pp. 89-98, (in Russian).
 Gorshkov, MK & Tikhonova, NE (eds) 2014, *Poverty and the Poor in Modern Russia*, Moscow, 302 p., (in Russian).
 Grishina, EE 2017, 'Deprivation Approach to Assessing the Poverty of Families with Children in Russia and European Countries', *Finansovyy zhurnal*, no. 4, pp. 47-55, (in Russian).
 Khalitova, LR 2018, 'Assessment of the Impact of Food Consumption on the Purchasing Power of the Population (Example of the Republic of Bashkortostan)', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 2, pp. 25-30, <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.2.4>, (in Russian).
 Labor Force Survey 2017, Moscow, (in Russian).
 Labor Force Survey: a statistic bulletin 2006–2017, Rosstat, Moscow, viewed 15 January 2019, <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766>, (in Russian).
 Migranova, LA 2018, 'Wages in Russia and the World: A Comparative Analysis', *Narodonaseleniye*, vol. 21, no. 3, pp. 52-67, (in Russian).
 Ovcharova, LN 2012, 'Proposals for Strategies to Promote Poverty Reduction in Modern Russia', *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 10-11, pp. 78-89, (in Russian).
 Pasovets, YuM 2015, 'Poverty Risks of the Population in the Modern Russian Conditions', *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no. 2 (38), pp. 143-160, <https://doi.org/10.15838/esc/2015.2.38.9>, (in Russian).
 Prokofieva, LM, Korchagina, II, Popova, RI, Belokrylova, OS, Filonenko, YuV & Fursa, EV 2014, 'Poverty and Social Exclusion through the Eyes of Various Groups of the Population', *Narodonaseleniye*, no. 4, pp. 61-82, (in Russian).
 Radaev, VV 2000, 'Working Poor: Is There a Safety Margin?', *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 1, no. 1, pp. 25-36, (in Russian).
 Russian Statistical Yearbook: a statistic collection 2014, Rosstat, Moscow, (in Russian).
 Russian Statistical Yearbook: a statistic collection 2015, Rosstat, Moscow, (in Russian).
 Russian Statistical Yearbook: a statistic collection 2016, Rosstat, Moscow, (in Russian).
 Russian Statistical Yearbook: a statistic collection 2018, Rosstat, Moscow, (in Russian).
 Sergienko, AM (ed.) 2014, *Poverty of Rural Russia in the Context of the Modernization of the Economy: the Processes and Mechanisms of Formation and Coping: a collective monograph*, Barnaul, 330 p., (in Russian).
 Shabanov, VL 2016, *The Standard of Living of the Rural Population of Russia in the Conditions of the Socio-Economic Transformation of the Village: A Research Methodology and Analysis of the Dynamics: a monograph*, Saratov, 256 p., (in Russian).
 Socio-Economic Indicators of Poverty: a statistic bulletin 2012, Rosstat, Moscow, (in Russian).
 Socio-Economic Indicators of Poverty: a statistic bulletin 2013, Rosstat, Moscow, (in Russian).
 Townsend, P 2010, 'The Meaning of Poverty', *The British Journal of Sociology*, vol. 61, iss. s1, pp. 85-102, <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2009.01241.x>.
 Vavilina, ND 2000, *Poverty in Russia as a Social Phenomenon and as a Social Problem: a monograph*, Novosibirsk, 510 p., (in Russian).